

Религиоведение. 2023. № 4. С. 71–79.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2023. No. 4. P. 71–79.

Антропология / Anthropology
религия / of Religion

DOI: 10.22250/20728662_2023_4_71

Бутов И.С.¹, Томин Н.В.²

¹ Республиканская лаборатория историко-культурного наследия ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси»

² Институт систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН
220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2

² 664033, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 130

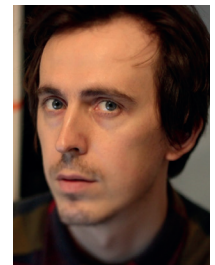
¹ illiabutov@gmail.com; ² tomin.nv@gmail.com

«Игра в кикимору»: затейный народный обман в сфере демонического в XVIII–XIX вв.

Аннотация. В центре внимания авторов – связи между народной религиозностью и сферой обмана, выраженные главным образом в форме игры с известным демоническим персонажем кикиморой. Такие связи вскрывают трансформацию народных представлений в России в XVIII–XIX вв., когда образ традиционно пугающей нечистой силы постепенно приобретает элементы сатиры, насмешки и более активно эксплуатируется в различных эпизодах обмана и даже мошенничества. Материалом статьи, в числе прочего, служит малоизвестное дело Российского государственного исторического архива (РГИА) о появлении в д. Собачья дора Устюжского уезда Ежской трети Халеской волости в доме вдовы устюжского крестьянина Ирины Коневоы кикиморы. Выявляются основные модели и мотивы народного обмана в сфере демонического. Высказано предположение, что в народных представлениях обман мог восприниматься как порождение нечистой силы, связывался с колдовскими действиями или, напротив, служил способом противостояния злым силам. В связи с этим отмечается схожесть действий потенциальной группы обманщиков с традиционными представлениями о домовом, кикиморе и некоторых других демонологических персонажах. Делается вывод о связи причин «имитации демонического» с общими глубинными представлениями о вредоносности самой нечистой силы, подкреплёнными книжно-христианским образом злого духа.

И.С. Бутов

Н.В. Томин

Ключевые слова: народная религиозность, кикимора, демонологический сюжет, игра с демоническим, полтергейст, обман

Ilya S. Butov¹, Nikita V. Tomin²

¹ Republican Laboratory of Historical and Cultural Heritage of the National Research University “Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus”

² Melentiev Energy Systems Institute SB RAS

¹ bldg. 2, 1 Surganova str., Minsk, 220072, Republic of Belarus

² 130 Lermontov Str., Irkutsk, 664033, Russia

¹ illiabutov@gmail.com; ² tomin.nv@gmail.com

“The Game of Kikimora”: An Intricate Folk Deception in the Sphere of the Demonic in the 18th – 19th Centuries

Abstract. The authors focus on the connections between folk religiosity and the sphere of deception, expressed mainly in the form of a game with the famous demonic character Kikimora. Such connections reveal the transformation of popular ideas in Russia in the 18th – 19th centuries, when the image of a traditionally frightening malevolent influence gradually acquires elements of satire, ridicule and is more actively exploited in various episodes of deception and even fraud. The base of the article, among other things, is the little-known case of the Russian State Historical Archive (RSHA) about the appearance of Kikimora in the village of Sobach'ya dora of the Ustyuzhsky district of the Yezhsky third of the Khaleskaya volost in the house Irina Koneva, the widow of the Ustyuzhsky peasant. The authors reveal the main models and motives of popular deception in the demonic sphere. It is suggested that in popular beliefs, deception could be perceived as a product of evil spirits, was associated with witchcraft or, on the contrary, served as a way to resist malevolent influence. In this regard, the similarity of the actions of a potential group of deceivers with traditional ideas about Domovoy, Kikimora and some other demonological characters is noted. The authors conclude that there

was a connection of the causes of the “imitation of the demonic” with general deep ideas about the harmfulness of this malevolent influence itself, supported by the book and Christian image of the evil spirit.

Key words: folk religiosity, Kikimora, demonological narrative, playing with the demonic, poltergeist, deception

Под термином «нехорошие дома» современные исследователи, как правило, понимают варианты «заколдованных» или сакральных пространств [Javer, 2020, 66–92], которые существуют как психологическая, культурная и даже юридическая реальность [Dagnall, 2020, 13–28]. При этом обязательным атрибутом «нехороших» домов является обитание в них нечистой силы, которая и определяет «беспокойную» динамику рассматриваемого пространства. В Российской империи такие дома называли нехорошими или беспокойными, а также домами, одержимыми бесами [Бутов, Томин, 2020, 69].

Как минимум с XVII века в России странные пугающие проделки в «нехороших домах» приписывали *кикиморе*. В XVIII–XIX вв. количество упоминаний этого демонологического персонажа значительно выросло. Е.А. Кузнецова описывает появление кикиморы в 1798 г. в одной из деревень Вятской губернии [Кузнецова, 2018, 223–248]. В 1887 году какая-то чертовщина завелась на заводе Савельева, расположенном на заимке в двух верстах от Мариинска Тульской губернии (ныне Кемеровская область России). Не менее сорока заводских рабочих были свидетелями того, как вещи, лежащие спокойно на столе или на печке, внезапно поднималась в воздух как бы «порывом вихря» и стремительно летели в окно, разбивая его вдребезги. При этом никто не мог уловить момента поднятия, но все ясно видели полёт вещи. Например, один из очевидцев описывал, как большая табуретка, стоявшая у плиты, поднявшись в воздух, ударилась об окно и встала ножками на пол. Некоторые люди были глубоко уверены, что это кикимора. Масса горожан, не только любопытных, но и приезжих из округа, ежедневно тянулась длинными вереницами, чтобы посмотреть на её проделки [Мариинск, 1887, 1]. В том же 1887 году, как писали газеты, кикимора поселилась в Томске в доме Колотилова на углу Дворянской и Телеграфного переулка. Она не давала покоя не только жильцам дома, но и всему городу. Каждую ночь, примерно с 8 до 12 часов (а поначалу и до 3 часов ночи), в наружной стене дома раздавались сильные стуки, как будто от удара чьих-то кулаков [В доме, 1887, 123]. В Кадниковском уезде Вологодской губернии кикимору называли хозяйкой домового и считали, что она может жить в подполье. Представлялось, что она может ходить «в сарафане с «длинным волосём – такая страшная» [Дилакторский, 1895, 166]. Во время пожара 14 сентября 1842 года в Перми в слывшем «чудовищным» доме советника уголовной палаты Елисея Чадина одна набожная старушка видела, что какая-то женщина в белом чепце, высунувшись из слухового окна в крыше, платочком отмахивала от дома огонь соседних зданий. И действительно – дом оказался спасён от пожара [Дмитриев, 1901, 234–239].

Появление кикиморы в доме связывали с тем, что её могут «напустить» колдуны, а также печники или плотники, закладывая под магию её фигурку. Причиной таких действий могло быть то, что кто-то в чём-то был несправедливо обделён. Отмечается, что «плотники сажают в дом дьяволов или кикимор, когда им не заплатят за работу надлежащего; но оный дьявол не столь спокоен бывает: ломает всё в доме, делает шум и стук, и наконец самого хозяина выживает из дому, от чего избавляют плотники, получив сполна за работу» [Абевега, 1786] (илл. 1).

Полагали, что кикимора может быть ответственна за целый ряд небольших пакостей в жилище: бросает и бьёт горшки, мешают спать, стучит вьюшкой, кидается из подполья луковицами, с печи – шубами и подушками (с.-рус.), выдёргивает волосы у хозяина, досаждают людям воем, писком, шумом (вост. сиб., белор.) и т.д. [Левкиевская, 1999, 494–496]. Часто это также типично «полтергейстные» эпизоды: она кидается в людей обувью [Власова, 2008, 221; Никитина, 2013, 45–64] и кирпичами из печи [Власова, 2008, 221], углями для самовара [Никитина, 2013, 45–64], разбивает посуду [Максимов, 1903, 61–67], отворяет двери [Власова, 2008, 221], поднимает полы [Власова, 2008, 221], переворачивает мебель или заставляет её «плясать» [Власова, 2008, 221; Зиновьев, 1987, 310–311] и т.д.

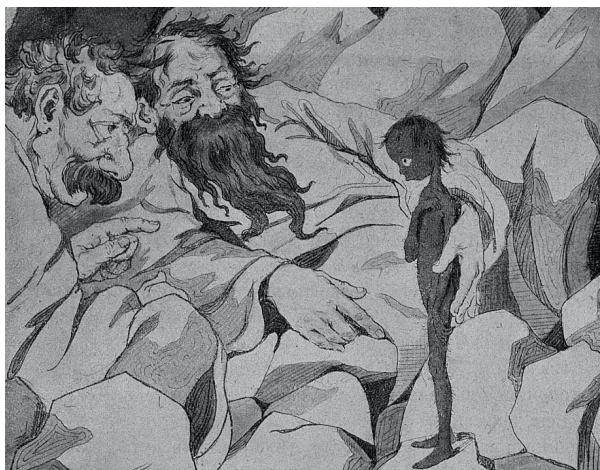
Одним из малоизвестных случаев появления кикиморы, тесно связанным с проявлением нечистого духа, можно назвать происшествие в д. Собачья дора¹ Устюжского уезда Ежской трети Халеской волости в 1742–1743 годах. В центре внимания Священного Синода оказался «затейный народный обман». Приходской священник доносил архиепископу Гавриилу Великоустюжскому о появлении в доме вдовы устюжского крестьянина Ирины Коневой нечистого духа, хоть и невидимого, но говорящего человеческим голосом и делающего много проказ [РГИА. Ф. 796. Оп. 24. Д. 335. 126 с.].

Согласно описанию, приведённому в деле, всё началось с того, что 8 октября 1742 года, будучи в Собачей доре проездом,

рассыльщик Устюжской провинциальной канцелярии Григорий Сакулин попросил у кого-то в деревне пива (можно предположить, что как раз у Ирины Коневой или её родственников), но, так и не получив желаемого, обругав всех, уехал. На следующий день, как предположили, «по насылке» Сакулина, с самого утра дом оказался во власти «нечистой силы». Ночью по избе будто бы кто-то ходил и говорил, что его зовут² Дарьей. Помимо этого, «дух» стал колотить в стены камнями и «поленьем бить», что продолжалось чуть больше месяца. 14 ноября удары были такой силы, что в доме Коневой вышибло ставни, после чего невидимка переключил своё внимание на людей – стал их бить, бросать топорами, камнями «и другие шалости делать».

Описан в деле и один из народных ритуалов избавления от духа, причём участвовал в нём сам Сакулин. Якобы он давал сыну Коневой Ивану нащёпанную им же самим воду и велел облить той водой вокруг деревни. После выполнения этой рекомендации «драться» дух перестал, но не исчез, а лишь снова объявил, что он, дескать, кикимора, которую посадил сам Григорий Сакулин. При этом присутствовал также присланный для изгнания беса из епархии иеромонах Павел (по-видимому, давший разрешение или молчаливо одобрявший все действия) и много посторонних людей, пришедших в тот дом. Состоялось минимум два диалога, при которых голос звучал из голбца³, а иногда с печи. Кикимора была словоохотлива и повторила все теории о себе: подтвердила версию, что была «посажена Сакулиным», что её охота драться исчезла после использования заговорённой воды, окончательно же её выгонять нужно лишь пением молебнов. «Наваждение» прекратилось только после того, как местный священник вместе с иеромонахом отслужили молебен с водоосвящением и «заклинанием на духа нечистого» [РГИА. Ф. 796. Оп. 24. Д. 335. Л. 1–3]. Впрочем, народ в это не поверил и пошли разговоры о том, что ничего не прекратилось: «и молебен пет и вода священа, а Дарьи или нечистого духа не выгнали» [РГИА. Ф. 796. Оп. 24. Д. 335. Л. 27 об.].

Сакулин, однако, на допросе всё отрицал и утверждал, что «с дьяволом обаяния не имел и не имеет». Правда, уже тогда было известно, что вся описываемая история – обман, в котором были задействованы взрослые и пять малых ребят. В итоге Священный Синод по определению от 27 февраля 1744 года распорядился Сакулина освободить [Описание, 1911, 425–427]. Также была устроена контрольная проверка наличия в жилище необъяснимого голоса, когда дом был фактически опечатан: двери и окна закрыты, а «прочие скважины» запечатаны [РГИА. Ф. 796. Оп. 24. Д. 335. Л. 28].

Илл. 1. «А колдуны-то над ней смеются – потешаются». Иллюстрация Татьяны Гиппиус к сказке «Кикимора» Натальи Манасеиной по мотивам «Сказаний русского народа» Ивана Сахарова. Журнал «Тропинка» [Манасенина 1909, 709].

О «сущих затейщиках» было написано «куда следует». В августе 1744 года провинциальная канцелярия объявила, что «вредительные приключения» устраивал мельник Иван Шепелин с крестьянами: Иваном Статыгиным, Григорием Глебовым, Савой Лешуковым и самой вдовой Ириной Коневой. После пыток они признались, что по предварительному сговору научили малолетних ребят уходить в подполье избы Коневой и называться «кикимора Дарья, Семенова дочь». В то время как вдова Конева закрывала окна, а вечерами гасила огонь, дети бросали из подполья песком и пеплом. Вскоре после этого виновники переполоха сами рассказали о своей проказе, заявив, что никакого злого умысла у них не было. Якобы после Покрова дня Богородицы мельник Шепелин привёл в дом к Ивану Статыгину слепого сына Коневой Филипа⁴ и подучил, что делать. Там же они велели сыну мельника «по ночам ходить и в окна поленьем и палками бросать и стучать». Говорить нужно было, будто в подполье посадил Гришка Сакулин [РГИА. Ф. 796. Оп. 24. Д. 335. Л. 28, 53–53 об.].

В деле подробно описаны и некоторые другие обстоятельства «игры в кикимору». На мясопустной неделе 1743 года Синицын принёс в дом мельника Ивана Шепелина некий камень в рукавице из дома Коневой. Вдова сказала Синицыну, что кикимора Дарья «оборотилась в тот камень» и велела очертить его вокруг углём⁵, что Синицын и сделал «не ведая обману», а затем, спрятав камень в свою рукавицу, отнёс его к мельнику.

Рукавица с камнем была упрятана в туес. После чего слепой Филип вместе с туесом лёг в сани, где его накрыли шубой и рогожей, а затем сотский Магфей Глебов обвязал его и туес кругом верёвками. После этого Глебов отвёз сани к священнику Георгиевского прихода Артемию и сказал, «что де Дарья, называемая кикимора, которая жила в доме вдовы Коневой, оборотилась в камень». По-видимому, по версии следствия, идея заключалась в том, чтобы говорить от лица кикиморы из этих саней в присутствии священника. Прекращение же диалога должно было показать, что «кикимора» действительно пропала. Не заподозрив обмана, Артемий донёс обо всём в устюжскую архиерейскую канцелярию [РГИА. Ф. 796. Оп. 24. Д. 335. Л. 28 об.–29].

Проверить обстоятельства рассказа было поручено подканцеляристу Дмитрию Пономареву. Опросив около тридцати человек, он пришёл к выводу, что никакого духа не было, а только распускались об этом слухи. Главные виновники были биты кнутом, а малолетние ребята – батогами. Сама же Конева «не бита за старостью и дряхлостью» и потому, что ранее «при пытках на стрясах была многократно бита плетью». Приговор был вынесен сравнительно мягкий только потому, что соседи удостоверили: других «затейств» этими крестьянами не чинилось [Описание документов, 1911, 425–427; Смилянская, 2003, 237; РГИА. Ф. 796. Оп. 24. Д. 335. Л. 53–54 об.].

Анализируя это дело сейчас, сложно объективно воспринимать показания, полученные под пытками. Кажется, что «виновники» были поскорее назначены, чтобы объяснить странные происшествия и реабилитировать «безвинно многое время содержащегося рассыльщика».

Интересно отметить проведённые вокруг деревни ритуалы с использованием заговоренной воды, а также применение специальных заклинаний, направленных на изгнание злого духа. Как мы обращали внимание ранее, такие изгнания в XIX – первой половине XX века приобрели в Российской империи немалую популярность [Бутов, Толин, 2020, 62–76] (илл. 2).

Акустические явления также были характерны и для других «нехороших домов». Так, в 1813 г. в г. Курмыш Симбирской губернии невидимое существо тоже говорило самым тоненьким голосом, как будто голос слышали из-за стены кельи. И в проказах также была обвинена дворовая девка, находившаяся «в болезни» [Куроптев, 1878, 176–177].

Примечательно, что в приговоре «игра» в кикимору была названа «затейным народным обманом», влекущим за собой «соблазны». В действительности такая «игра» довольно часто фигурировала в делах и на страницах печати (мы не знаем на самом деле, насколько точны были газеты в «назначении» виновных, но обращаем внимание на сам факт наличия таких публикаций). В одном из дел Государственного архива Смоленской области (ГАСО) рассказывается о появлении в 1816 г. в Юх-

Илл. 2. Трутовский Константин Александрович (1826–1893).
 «Свадьба. Появление колдуна». Иллюстрация к повести Н.В. Гоголя «Страшная месть»
 (1874). По сюжету, во время свадьбы сына старый есаул Горобець выносит иконы,
 чтобы благословить ими молодых. Один из гостей казаков вдруг превращается в
 уродливого старика, отчего есаул догадывается, что перед ними колдун.
 С помощью икон нечестивца изгоняют.

новском уезде Смоленской губернии «нечистого духа», тоже бросавшегося с печи вещами и отвечавшего на вопросы собравшихся «сильным и косным женским голосом». Хотя и в этот раз в доме были отслужены молебны, в инсценировке обвинили четырнадцатилетнюю слепую девушку Евдокию Егорову и ещё нескольких лиц [Белова, 2020, 201–212].

Интересно, что и сын Светланы Коневой Филип был слепым. Согласно мифологическим представлениям, у слепого человека открывается потустороннее зрение – он начинает видеть вещи, недоступные простому смертному, а иногда это зрение сопровождается и сверхзнанием [Ясинская, 2015, 122]. По нашему мнению, можно предположить, что именно Филип был «медиумом» или фокальным лицом этого случая. С другой стороны, современная медицинская антропология выявила чёткую корреляцию между диссоциативными симптомами (психо- и соматоформной природы), травматическими событиями в прошлом и одержимостью. Иными словами, одержимость можно считать культурно-специфическим способом выражения диссоциации, имеющей отношение к потенциально травматическим событиям [Христофорова, 2016, 141].

Мотив о некоем человеке, который «сделал» (т.е. навёл на дом проклятье), особенно, если ему в чём-то отказали хозяева, также довольно характерен для историй, связанных со случаями полтергейста («шумного духа»)⁶. Как сообщала газета «Мирское слово», в 1865 году в некоем неназванном «небольшом городке, находящемся весьма недалеко от столицы»⁷ расположен дом, который, по слухам, посещали «злые духи». Побывавшие там говорили о том, что с печи «выбрасываются рукавицы» и другая хозяйская утварь, пустой ящик стола «звучал медью» и т.д. Все эти безобразия длились до тех пор, пока из дома не выгнали девушку, которая, как считалось, выставила с порога старуху-нищую, просившую у неё милостыню. Однако когда корреспондент «Мирского слова» Н. Курочкин через некоторое время приехал в город, то ему рассказали, что все странные приключения в доме –делки нескольких распущенных мальчишек, которые забрались в подполье, где был расположен погреб, а также на печь – и «производили там эти будто бы чудесные действия». Хотя были и те, кто считал, что дом и до той поры оставался прибежищем злого духа [Курочкин, 1865, 92–93].

Е.Б. Смилянская называет такую модель «игрой с демоническим», отмечая, что на рубеже XVII и XVIII вв. образ беса приобретает «элемент сатиры и насмеш-

ки» и в народных действах, картинках и фольклоре ему придаются черты комического. Исследовательница обращает внимание, что оба вида игры – с сакральным и с демоническим – получили одинаковую оценку синодальной власти – *соблазн* [Смилянская, 2003, 236–237]. По мнению О.В. Беловой, такие случаи роднит однотипный сценарий, при котором «группа сговорившихся лиц инсценирует действия нечистой силы в доме, привлекая таким образом внимание соседей с выгодой для себя». При этом схожесть некоторых элементов таких розыгрышей («духи» называются по имени, бросают предметы, грязно бранятся или отвечают на вопросы, а также тяготеют к печи) с традиционными представлениями о домовом, ходячем покойнике, кикиморе или «икоте» О.В. Белова объясняет тем, что эти персонажи и особенности их поведения были известны устроителям «спектаклей» и брались ими в расчёт [Белова, 2020, 201–212] (илл. 3).

Всё это давало почву для мистификаций и возможность эксплуатировать бытовавшие в крестьянской среде суеверия, вероятно, для разных сугубо «земных целей» [Белова, 2020, 207–208]. Например, имитировать явления полтергейста могли для получения определённой выгоды. Так, в случае Акилины Разницыной крестьяне платили вымышленной «кикиморе» за «гадание» о пропавших деньгах хлебом, маслом, яйцами, мёдом, деньгами [Кузнецова, 2018, 228].

В целом в народных представлениях обман регулярно соотносится со сферой магического и демонологического. При этом между «магическим» и «демонологическим» сюжетами в языковом пространстве нет строгой границы [Кучко, 2016, 283]. И колдуны (т.е., в сущности, обычные люди), и представители нечистой силы могут номинироваться в рамках одной модели действий демонологических персонажей, например, колдуны и кикимора. Кроме того, в народе обман воспринимался двояко. С одной стороны – как порождение нечистой силы, с другой – как своеобразный способ противостояния злым силам [Толстая, 2010, 317–324], в том числе сугубо человеческим. Так, действия Гришки Сакулина в анализируемом деле о подселении «кикиморы» в д. Собачья дора интерпретировались как ответ на обиду в том, что ему отказали в просьбе о пиве.

Вероятно, одна из причин того, что люди в крестьянской среде прибегали к имитации действий нечистой силы как варианту обмана (в том числе в целях своеобразной мести обидчикам), связана с общими глубинными представлениями о вредности самой этой нечистой силы, подкреплёнными книжно-христианским образом злого духа (выражаемые, например, в пословицах вроде «От бога дождь, от дьявола ложь» [Даль, 1880, 245], «Сказал бы Богу правду, да чёрта боюсь» [Даль, 1879, 230]). С другой стороны, в ряде случаев это было эффективным способом мести за обиду и/или способ мошенничества с целью получения определённой выгоды, как, например, в деле Акилины Разницыной.

Благодарность

Выражаем благодарность Р.В. Соложеницыну за помощь в расшифровке текстов архивных дел.

Acknowledgement

We express our gratitude to R.V. Solzhenitsyn for his help in deciphering the texts of archival files.

Илл. 3. Лубок на тему обмана «В Петербурге места нет, едет в деревню дураков обманывать», 1870 год.

Библиографический список

1. Абевега русских суеверий идолопоклоннических жертвоприношений свадебных простонародных обрядов колдовства, шаманства и проч. – М.: Тип. Ф. Гиппиуса, 1786. – 326 с.
2. Белова, О.В. «Дело... о поселившемся будто бы... в доме нечистом духе» (1816 г.) и подобные ему казусы: опыт эксплуатации суеверий / О.В. Белова // *In Umbra: демонология как семиотическая система: альманах*. – Вып. 9. – М., 2020. – С. 201–212.
3. Бутов, И.С. Архивные свидетельства о «самовольных экзорцизмах» в Российской империи в XIX – первой половине XX века / И.С. Бутов, Н.В. Томин // *Религиоведение*. – 2020. – № 2. – С. 62–76.
4. В доме Колотилова // *Сибирская газета*. – 1887. – № 24–25. – С. 123.
5. Власова, М.Н. Кикимора / М.Н. Власова // *Энциклопедия русских суеверий*. – СПб.: Издат. дом «Азбука-классика», 2008. – С. 221.
6. Голбец // *Вологодское словечко: школьный словарь диалектной лексики* / Отв. редактор Л.Ю. Зорина. – Вологда: Вологод. гос. пед. ун-т, 2011. – 344 с.
7. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – СПб.; М.: Тип. М.О. Вольфа, 1881. – Т. 2. – 814 с.
8. Даль, В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – СПб.: Тип. М.О. Вольфа, 1879. – Т. 1. – 753 с.
9. Дилакторский, С. Очерк суеверия о домовом в среде простонародья Кадниковского уезда Вологодской губернии / С. Дилакторский // *Вологжанин: лит.-науч. сб.* – Вологда: Изд. П. Дилакторского, 1895. – С. 163–168.
10. Дмитриев, А.А. Чудовищный дом / А.А. Дмитриев // *Исторический вестник*. – 1901. – Т. 86. – С. 234–239.
11. Кузнецова, Е.А. Дело о кикиморе вятской: демонологический персонаж и социальный контекст / Е.А. Кузнецова // *In Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах* / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. – М., 2018. – Вып. 7. – С. 223–248.
12. Куроптев, М. Чорт в городе Курмыше / М. Куроптев // *Русская старина*. – 1878. – Т. XXII. – С. 176–180.
13. Курочкин, Н. Легковерные люди / Н. Курочкин // *Мирское слово*. – 1871. – № 6. – С. 92–93.
14. Кучко, В. «Вся неправда от лукавого»: о «магической» и «демонологической» мотивации в сфере лексики со значением обмана / В. Кучко // *Антропологический форум*. – 2016. – № 28. – С. 276–286.
15. Левкиевская, Е.Е. Кикимора / Е.Е. Левкиевская // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь* / под общ. ред. Н.И. Толстого. – М., 1999. – Т. 2. – С. 494–496.
16. Максимов, С.В. Кикимора / С.В. Максимов // *Нечистая, неведомая и крестная сила*. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильворг, 1903. – С. 61–67.
17. Манасенина, Н. Кикимора / Н. Манасенина // *Тропинка*. – 1909. – №20. – С. 709–712.
18. Мариинск // *Сибирский вестник*. – 1887. – № 106. – С. 1.
19. Никитина, А.В. Кикимора / А.В. Никитина // *Русская демонология*. – М.: Флинта, 2013. – С. 45–64.
20. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительственного Синода. – СПб.: Синодальная типография, 1911. – Т. XXIII (1743). – 1119 с.
21. РГИА. Ф. 796. Оп. 24. Д. 335. По донесению преосвященного Устюжского, по возбужденному в Устюжской епархии делу о появлении в доме вдовы Ирины Коневы нечистого духа, 22 августа 1743 – 28 июля 1745 года. – 126 с.
22. Смилянская, Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. / Е.Б. Смилянская. – М.: Индрик, 2003. – 464 с.
23. Толстая, С.М. Семантические категории языка культуры: очерки по славянской этнолингвистике / С.М. Толстая. – М.: Либроком, 2010. – 368 с.
24. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин // *Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири* / Сост. и комм. В. П. Зиновьева. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 310–311.
25. Христофорова, О.Б. Одержимость в русской деревне / О.Б. Христофорова. – М.: Неолит, 2016. – 392 с.
26. Ясинская, М.В. Мифологические представления о глазах и зрении у славян / М.В. Ясинская // *Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты*. – 2015. – №1. – С. 115–123.
27. Jawer, M.A. Environmental “Gestalt influences” pertinent to studies of haunted houses / M.A. Jawer, B. Massullo, B. Laythe, J. Houran // *J. Soc. Psychical Res.* – 2020. – No. 84. – P. 66–92.

28. Dagnall N., Drinkwater K.G., O'Keeffe C., Ventola A., Laythe B., Jawer M.A., Massullo B., Caputo G.B. and Houran J. Things That Go Bump in the Literature: An Environmental Appraisal of "Haunted Houses" / N. Dagnall, K.G. Drinkwater, C. O'Keeffe, A. Ventola, B. Laythe, M.A. Jawer, B. Massullo, G.B. Caputo, J. Houran // *Front. Psychol.* – 2020. – No. 11. – P. 13–28.

Текст поступил в редакцию 09.03.2023.

Принят к печати 10.04.2023.

Опубликован 21.12.2023.

¹ То есть Собачий Дор, дор – селение среди леса. При этом можно встретить неверный вариант написания населённого пункта – Собачья Гора [Смилянская, 2003, 236–237].

² Интересно, что в деле написано «его зовут Дарьей» (то есть – «нечистого духа»). Далее же, по мере превращения в кикимору, дух приобретает женские черты, так что выгоняют из дома уже «её».

³ У слова «голбец» есть три значения. 1. Деревянная пристройка к русской печи в виде большого шкафа с дверцей, внутри с лестницей, ведущей в подполье. 2. Навес из досок у потолка между печью и стеной для сна, полати. 3. Подполье [Голбец 2011, 54]. Точно непонятно, что именно имелось в виду в тексте, но, вероятно, тут оно использовано в третьем значении, так как далее по тексту говорится о криках из подполья.

⁴ В деле это имя написано с одной *n*.

⁵ Т.е. сделать охранный магический круг.

⁶ Также он характеризуется и случаями одержимости или вселением *икоты* в кого-то из членов семьи [Христофорова, 2016].

⁷ Т.е. недалеко от г. Санкт-Петербурга.

References

1. Abevega russkikh sueverij idolopoklonnicheskikh zhertvoprinoshenii svadebnyh prostonarodnyh obrjadov koldovstva, shemanstva i proch. [Abevega of Russian superstitions of idolatrous sacrifices of wedding folk rituals of witchcraft, shamanism, etc.]. Moscow: Tip. F. Gippiusa, 1786, 326 p. (In Russian).
2. Belova O.V. In *Umbra: demonologija kak semioticheskaja sistema: al'manah* [In Umbra: demonology as a semiotic system: almanac]. Moscow, 2020, vol. 9, pp. 201–212 (in Russian).
3. Butov I.S. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2020. no. 2, pp. 62–76 (in Russian).
4. Dagnall N., Drinkwater K.G., O'Keeffe C., et al. Things That Go Bump in the Literature: An Environmental Appraisal of "Haunted Houses". *Front. Psychol.* 2020, no. 11, pp. 13–28.
5. Dal' V.I. *Poslovice russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. St. Petersburg: Tip. M.O. Vol'fa, 1879, vol. 1, 753 p. (In Russian).
6. Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. St. Petersburg; Moscow: Tip. M.O. Vol'fa, 1881, vol. 2, 814 p. (In Russian).
7. Dilaktorskij S. *Vologzhanin: lit.-nauch. sb.* [Vologzhanin: lit.-scientific collection]. Vologda, 1895, pp. 163–168 (in Russian).
8. Dmitriev A.A. *Istoricheskij vestnik* [Historical Bulletin]. 1901, pp. 234–239 (in Russian).
9. Hristoforova O.B. *Oderzhimost' v russkoj derevne* [Obsession in the Russian village]. Moscow: Neolit Publ., 2016, 392 p. (In Russian).
10. Jasinskaja M.V. *Chelovek: Obraz i sushhnost'. Gumanitarnye aspekty* [Man: Image and essence. Humanitarian aspects]. 2015, no. 1, pp. 115–123 (in Russian).
11. Jawer M.A., Massullo B., Laythe B. and Houran J. Environmental "Gestalt influences" pertinent to studies of haunted houses. *J. Soc. Psychical Res.* 2020, no. 84, pp. 66–92.
12. Kuchko V. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum]. 2016. no. 28, pp. 276–286 (in Russian).
13. Kurochkin N. *Mirskoe slovo* [Worldly word]. 1871. no. 6, pp. 92–93 (in Russian).
14. Kuroptev M. *Russkaja starina* [Russian antiquity]. 1878, vol. XXII, pp. 176–180 (in Russian).
15. Kuznecova E.A. In *Umbra: Demonologija kak semioticheskaja sistema. Al'manah* [In Umbra: Demonology as a semiotic system. Almanac]. Moscow, 2018, vol. 7, pp. 223–248 (in Russian).
16. Levkievskaja E.E. *Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskij slovar'* [Slavic antiquities: An Ethnolinguistic dictionary]. Moscow, 1999, vol. 2, pp. 494–496 (in Russian).
17. Maksimov S. V. *Nechistaja, nevedomaja i krestnaja sila* [Unclean, unknown and the power of the Cross]. St. Petersburg: Tovarishhestvo R. Golike i A. Vil'vorg, 1903, pp. 61–67 (in Russian).
18. Manasenina N. *Tropinka* [Path]. 1909. no. 20, pp. 709–712 (in Russian).
19. Nikitina A. V. *Russkaja demonologija* [Russian Demonology]. Moscow: Flinta Publ., 2013, pp. 45–64 (in Russian).
20. *Opisanie dokumentov i del, hranjashhihsja v arhive Svjatejshego pravitel'stvennogo Sinoda* [Description of documents and files stored in the archive of the Holy Government Synod]. St. Petersburg: Sinodal'naja tipografija, 1911, vol. XXIII (1743), 1119 p. (in Russian).
21. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGLIA)* [Russian State Historical Archive (RSHA)] Fund 796. Inventory 24. File 335. 126 fol. (In Russian).
22. *Sibirskaja gazeta* [Siberian newspaper]. 1887. no. 24–25, pp. 123 (in Russian).
23. *Sibirskij vestnik* [Siberian Bulletin]. 1887, no. 106, p. 1 (in Russian).

24. Smiljanskaja E.B. *Volshebnyki. Bogohul'niki. Eretiki. Narodnaja religioznost' i "duhovnye prestuplenija" v Rossii XVIII v.* [Magicians. Blasphemers. Heretics. Folk religiosity and "spiritual crimes" in Russia of the 18th century]. Moscow: Indrik Publ., 2003, 464 p. (in Russian).
25. Tolstaja S.M. *Semanticheskie kategorii jazyka kul'tury: ocherki po slavjanskoj jetnolingvistike* [Semantic categories of the language of culture: essays on Slavic ethnolinguistics]. Moscow: Librokom, 2010, 368 p. (In Russian).
26. *Ukazatel' sjužetov-motivov bylichek i byval'shin: Mifologičeskie rasskazy russkogo naselenija Vostočnoj Sibiri* [Index of plots-motives of bylichek and byval'schin: Mythological stories of the Russian population of Eastern Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987, pp. 310–311 (in Russian).
27. Vlasova M. N. *Jenciklopedija russkih sueverij* [Encyclopedia of Russian superstitions]. St. Petersburg: "Azbuka-klassika" Publ., 2008, p. 221 (in Russian).
28. *Vologodskoe slovechko: Shkol'nyj slovar' dialektnoj leksiki. Izd. 2-e, ispravl. i dop.* [Vologda word: School dictionary of dialect vocabulary]. Vologda: Vologod. gos. ped. un-t, 2011, 344 p. (In Russian).

Submitted for publication: March 09, 2023.

Accepted for publication: April 10, 2023.

Published: December 21, 2023.